

*Герман Штрук. Поэт Бёрис фон Мюнхгаузен.
Офорт. 1920*

Рыцарь королевской поэзии

Старинный аристократический род Мюнхгаузен известен с давних времен. В 1228 году рыцарь Хейно был участником крестового похода под предводительством германского императора Фридриха Барбароссы. В этом походе погиб не только сам император, но и его верный рыцарь. С тех пор все сыновья и внуки Хейно, согласно преданию, либо погибали в битвах, либо умирали, не оставив потомства. Наконец, в живых остался только один из них — монах-отшельник, который в силу данного обета не мог иметь детей. Специальным указом монаха расстригли и вернули в мир, обязав завести семью. Так старинный род обрел не только известную фамилию Мюнхгаузен, что значит «дом монаха», но и герб, на котором изображен монах с книгой и посохом.

Мюнхгаузены прославились многими деяниями. Они не только участвовали в крестовых походах, но и служили кондотьерами испанскому королю, воевали за независимость США. Мюнхгаузены основали Геттингенский университет, были премьер-министрами Ганновера. Однако самым знаменитым из них оказался барон Карл Иероним Фридрих фон Мюнхгаузен (1720–1797) — ротмистр русской службы, прославившийся своими веселыми рассказами-небылицами.

Среди Мюнхгаузенов был также выдающийся поэт и фольклорист, имя которого сегодня несколько запямтовано в Германии, а в России известно лишь узкому кругу специалистов. Между тем, его оригинальное творчество заслуживает самого пристального внимания.

Бёррис Альбрехт Конон Август Генрих Фрайхерр фон Мюнхгаузен родился 20 марта 1874 года. Если отец будущего поэта принадлежал к старинному роду Мюнхгаузенов, то мать — к не менее старинному роду фон дер Габеленц. Клементина унаследовала от отца — крупнейшего лингвиста своего времени — знание более десятка языков. Она увлекалась литературным и художественным творчеством, ее картины пользовались широкой известностью, а стихи вызывали восторг публики. Маленький Бёррис с любопытством слушал ее сказки и увлекательные рассказы из древней германской истории. Мать научила своего сына несметному количеству народных песен, и тем самым заложила основу его будущего национального творчества.

«Мама была моим первым и лучшим другом, мои стихи доставляли ей особую радость, — вспоминал позднее поэт. — Отец слегка налегал на фактологию, он требовал, так сказать, правовой достоверности деталей и был недоволен, когда я отходил от фактов». Оно и понятно — отец начинающего литератора служил чиновником и впитал немецкую педантичность до мозга костей. Отсюда в стихах Мюнхгаузена те исторические и прочие подробности, которые порой мешают гармоничному развитию поэтического сюжета.

Бёррис фон Мюнхгаузен посещал монастырскую школу иезуитов, затем учился в университетах Гейдельберга, Мюнхена, Геттингена и Берлина. Изучал юриспруденцию, философию, литературу. Защитил докторскую диссертацию, стал доктором права. Но точные формулы правовой науки мало интересовали молодого барона. Его настоящей страстью была поэзия. В 1897 году вышла первая книга Бёрриса фон Мюнхгаузена,

которая засвидетельствовала рождение нового талантливого поэта. К тому времени им уже были созданы такие стихотворения, как «Набег гуннов», «Мать Мария», «Веды» и другие шедевры.

На рубеже XIX и XX веков Бёррис фон Мюнхгаузен основал Геттингенский поэтический кружок, издававший собственный журнал под названием «Геттингенский альманах муз». Его участниками стали молодые талантливые поэтессы Агнес Мигель и Лулу фон Штраус унд Торней. «Геттингенцы» исповедовали идеи северогерманского неоромантизма, проявляя особый интерес к метафизике народного исторического бытия. Этим объяснялась их приверженность жанру баллады, в том числе на средневековые и мистические темы.

Сам руководитель кружка увлекался не только миром германских сказаний и мифов. Он много путешествовал по странам Европы — от Англии и Швеции до Италии и Латвии, даже бродил с цыганским табором. Во время этих странствий его привлекали в равной мере и старинные цыганские романсы, и древние иудейские предания. «Он любил древний иудаизм и старых маккавейцев, укоренившихся в его традициях, — отзывался о поэте его близкий друг Сэмми Гронеман. — Он ненавидел ассимиляцию и не понимал, как может еврей чувствовать себя иначе, чем аристократом». А берлинская еврейская газета «Вельт» писала о нем: «Всегда симпатичный барон фон Мюнхгаузен прямо и ясно высказывает свое мнение. Он называет сионизм пробуждением гордого аристократического сознания благородного народа».

Однажды в Берлине поэт познакомился с талантливым художником Эфраимом Лилиеном — основателем

немецкого югендстиля. Бёррис фон Мюнхгаузен прочитал ему свои баллады на библейские темы, и художник пришел в неопикуемый восторг — ему захотелось во что бы то ни стало проиллюстрировать эти прекрасные стихотворения. Поэт пригласил его погостить в тюрингском родовом замке Виндишлойбе, где Лириен с энтузиазмом принялся за работу. Поэтическая книга «Иудея» с иллюстрациями Лириена увидела свет в 1900 году. Знаменитый писатель Стефан Цвейг назвал это издание «россыпью драгоценностей»:

«Мне незачем славить стихи барона Мюнхгаузена, он известен как первый и наиболее сильный поэт немецкого модерна, — писал Цвейг. — Но в этой книге он особенно проявил свою интереснейшую творческую индивидуальность, она сурова и энергична, в его стихах, словно рубины, мрачно пылают картины, освещенные убеждающим пафосом псалмов и песней. Могучая, Самсонова сила Ветхого Завета, темный, экстаичный ритм песней — все это найдено человеком, выросшим на культуре, очень далекой от древнееврейской. Нет, еврейское восприятие Библии не могло стать родственным, близким барону Мюнхгаузену — его чистота расы делает это невозможным — образ мышления и форма языка Книги книг обновляются в его звучных стихах. Лишь Лириен находит решение, компромисс, сочетая в некоторых исполненных тоски по родине картинах монументальность старого искусства — строгое формирование контуров и внезапное контрастирование плоскостей — с сентиментальными элементами, присущими искусству модерна. Он парафразирует стихи, пересказывает их языком художника, декоративными приемами создает некое единство, подцвечивает свои рисунки старонародными

бело-голубыми красками родины, окружает их терниями, освещает серебряными звездами Сиона».

Нарядный книжный альбом, сочетающий стихи на библейские сюжеты и рисунки с древней иудейской символикой, привлек внимание религиозных и сионистских деятелей, которые рекомендовали его для семейного чтения и воспитания молодежи.

Следом за «Иудеей» Бёррис фон Мюнхгаузен выпустил «Книгу рыцарских песен» (1903) и сборник «Сердце под кольчугой» (1911). Эти издания создали ему славу воскресителя подлинной немецкой баллады. В последующем баллады составили огромную часть его произведений. Всего он сочинил около 200 баллад, называя этот жанр «королевской поэзией». В своем понимании балладного жанра поэт ориентировался на мнение немецкого классика Иоганна Вольфганга Гете.

«В балладах есть что-то мистериозное, но не мистическое, — отмечал Гете. — Таинственность баллады берет начало в манере исполнения. Певец неизменен в своей выразительной теме, своем изображении, его действия и движения так глубоки в сознании, что он не знает, как извлечь это на свет Божий. При этом он пользуется всеми тремя основными видами поэзии, чтобы потом выразить, чего достигает сила воображения, над чем должно размышлять. Он может начать лирично, эпически, драматично, а после, по своему усмотрению меняя формы, продолжает спешить к концу или медленно продвигаться издалека... Впрочем, было бы хорошо остановиться в своих высказываниях о выборе таких стихов всей поэзии, потому что здесь элементы еще не классифицированы, а как в живом зародыше находятся вместе, и это можно только обду-

мывать, чтобы чудесный феномен на золотых крыльях поднять в воздух».

Понимая, что баллады требуют особой манеры исполнения, Мюнхгаузен стремился не читать, а исполнять свои баллады во время бесчисленных поездок по Германии. Выступая перед заинтересованной аудиторией, он искал прямой контакт со слушателями. Рыцарские баллады и стихи на историческую тематику содействовали его необычайной популярности. Его книги выходили полумиллионными тиражами и почти сразу раскупались. На его стихи сочинялись песни, которые со временем становились народными. А песня «На той стороне» и поныне звучит у туристского костра.

С началом Первой Мировой войны поэт, будучи офицером Королевской саксонской кавалерии, отправился на фронт. Спустя два года его перевели в распоряжение Иностранного отдела Генерального штаба. Поражение Германии он переживал как личное несчастье. После войны всецело отдался литературе.

В Веймарской республике, наверное, каждый второй писал баллады. Королевский поэтический жанр стал уличным товаром. Мюнхгаузен начал борьбу за чистоту жанра: он писал критические статьи и заметки о своем понимании искусства и жизни. В конце концов, ему пришлось стать защитником народной литературы и одновременно острым критиком немецкого экспрессионизма, яркими представителями которого были поэты Ганс Йост и Готфрид Бенн.

Полувековой юбилей Бёррис фон Мюнхгаузен отметил итоговой «Книгой баллад». Пожалуй, это было наиболее полное собрание его замечательных творений в данном «королевском» жанре. По достоинству оцени-

ли творчество поэта и его товарищи по литературному цеху: Мюнхгаузен был избран президентом Германской академии поэзии и удостоен ряда литературных премий. Но особенно ценную награду преподнес немецко-израильский художник Герман Штрук, великолепный мастер графики и литографии, который славился талантом создавать портреты. Его галерею украшали образы таких великих современников, как Альберт Эйнштейн, Фридрих Ницше, Генрих Ибсен, Зигмунд Фрейд, Оскар Уайльд. Вскоре это почетное собрание пополнил офорт с изображением Бёрриса фон Мюнхгаузена.

В тридцатые годы поэт постепенно отошел от активной литературной деятельности. Тем не менее, он сумел подготовить и издать «Антологию еврейской поэзии» (1941), что явилось откровенным вызовом идеологической машине Третьего рейха. Вокруг Мюнхгаузена сгруппировался Вартбургский круг поэтов, в определенной степени противостоявший нацистскому Союзу немецких писателей во главе с группенфюрером СС поэтом Хансом Йостом и его другом Готфридом Бенном. Среди завсегдатаев Вартбургского круга были старые друзья из Геттингенского кружка — поэтессы Агнес Мигель и Лулу фон Штраус унд Торней. Они ежегодно встречались в Вартбурге, где присуждали Серебряную розу лучшим представителям национальной литературы. Одновременно, будучи президентом Германской академии поэзии, поэт всеми силами сопротивлялся влиянию главного идеолога нацизма доктора Геббельса.

В последнее время Мюнхгаузен жил в родовом замке Виндишлойбе неподалеку от Дрездена. Накануне 1945 года умерла его жена Анна. Семидесятилетний поэт остался в полном одиночестве. Изредка его

навещали друзья, которых он потчевал последними запасами. И, прощаясь, говорил: «Если мне дела не понравятся, я тут же уйду к Анне». В феврале 1945 года англо-американская воздушная армада нанесла страшный бомбовый удар по Дрездену. Погибли сотни тысяч мирных жителей. Многие, покинув горящий город, нашли приют в замке Мюнхгаузена. Эта трагедия потрясла старого поэта. Завещав потомкам свое последнее стихотворение «Незаменимые», он 16 марта 1945 года покончил жизнь самоубийством, не желая второй раз видеть позор и унижение Германии.

* * *

В историю литературы Бёррис фон Мюнхгаузен вошел как автор замечательных баллад, повествующих о рыцарской доблести, верности и нежной любви. Однако на русский язык они толком не перелagались. Переводы отдельных стихотворений осуществили такие известные литераторы, как Аркадий Штейнберг, Савелий Тартаковер, Сэм Симкин. В данной книге переводчик предлагает читателям корпус переводов избранных стихотворений поэта, характерных для его творчества. Кроме того, сюда включена статья Мюнхгаузена «Мои предки», а также переводы некоторых стихотворений участницы Геттингенского кружка поэтессы Агнес Мигель. Завершает издание рассказ о судьбе русской поэтессы Марии Волковой — переводчицы стихотворения Мюнхгаузена «Веды».

Евгений Лукин

Ausgewählte Gedichte

Избранные
стихотворения

Der Romfahrer

Weißverschneite Weserberge,
Winterstilles Heimatland, –
Vor mir steht der welsche Ferge
Auf der Gondel schmalem Rand.

Und wie die Paläste steigen
Aus den Fluten wunderbar,
Muß ich in die Hände neigen
Still das heimzerzauste Haar.

Meiner Heimat Buchenwälder
Liegen im Dezemberschnee,
Über meiner Heimat Felder,
Äsung suchend, geht das Reh.

Und im Dorf die Kinder bauen
Männer, wenn die Flocken schnein,
Meiner Heimat stille Frauen
Spinnen schon am Winter-Lein.

Meiner Heimat Tannenreiser
Duften bis zum welschen Strand, –
Meine Faust gehört dem Kaiser,
Doch dies Herz dem Vaterland.

1899

Римский возница

Везерские горы под снегом,
Под снегом родная земля...
Скрипя деревянным ковчегом,
Возница встречает меня.

Дворцы удивительных зодчих
Встают из холодной реки.
Смежаю печальные очи,
Сжимаю руками виски.

И вижу сквозь белую вьюгу
Мой буковый лес наяву,
Где бродит олень по яругу,
Все ищет под снегом траву.

И дети мужают в деревне,
Где вьюга гуляет одна,
И женщины с благостью древней
Прядут зимний лен у окна.

И слышится римскому краю
Дыханье еловых ветвей...
Мой меч посвящен государю,
А сердце — Отчизне моей.

Der Page von Hochburgund

Ich bin der Page von Hochburgund
Und trage der Königin Schleppe,
Heut lachte ihr Mund, heut sprach ihr Mund
Auf marmorner Pfeilertreppe:

Page, was hobest du heimlicherweis
Zur Lippe der Schleppe Litzen?
„Page, ich glaube, du küßtest leis
Am seidenen Saume die Spitzen!“

Auf meine Knie warf ich mich hin
Und bat um Gnade mit Stocken,
Da lachte die junge Königin
Und zauste in meinen Locken:

„Die Heide dampft, und die Stute stampft,
Zur Strafe – darfst du mit jagen;
Der Falke, der sich um den Handschuh krampft,
Meinen Falken, den sollst du tragen!“

Und wir ritten vondann, fern blieb das Gefolg,
Und ein Lachen lag mir im Blute,
An meiner Seite tanzte der Dolch,
Und unter mir tanzte die Stute.

Паж из Верхней Бургундии

Я — паж, и за шлейфом хожу день-деньской,
Служу королеве бургундской.
Сегодня она говорила со мной
На мраморной лестнице узкой:

«Поведай, так трепетно ты почему
Касаешься шлейфа губами?
Мне кажется, паж, ты целуешь кайму,
Усыпанную жемчугами!»

Я пал перед ней на колени, моля:
«Прошу не наказывать строго!»
В ответ госпожа улыбнулась моя,
Поправила локон немного:

«Ты видишь, как сокол перчатку когтит,
Как топчется лошадь на месте?
Одно наказание тебе предстоит —
Со мной поохотиться вместе».

И мы понеслись — так, что ветер отстал
И знатная свита отстала.
Мой конь вороной подо мною плясал
И шпага на ленте плясала.

Wir hielten am Hag zwischen Heide und Tann,
Wo der Sturm die Esche zerbrochen,
Die Königin sah mich seltsam an
Und hat ganz leise gesprochen:

“Mir bot die goldberingte Hand
Der König von Kastilien,
Und bot mir seiner Väter Land
Und seines Wappens Lilien,

Wohl schimmern die Lilien silberfahl,
Und im Land aufleuchten die Schlösser, –
Dein Lachen ist silberner tausendmal,
Deiner Augen Leuchten ist besser!“

Ich bin der Page von Hochburgund
Und trage die weiße Seide,
Ich küßte heut einer Königin Mund
Beim Reigerzug auf der Heide.

Ihre blasse Lippe ward rot vom Kuß,
Und wollt ihr das Ende wissen,
Es schweigt mein Mund, weil er schweigen muß
Von einer Königin Küssen!

1898

Где высится дуб, опаленный огнем,
И ельник разлапистый слева,
Оставшись вдвоем на лугу голубом,
Призналась моя королева:

«Сегодня мне руку свою предложил
Кастильский властитель надменный.
От замков ключи он к ногам положил,
А рядом свой герб драгоценный.

Горит на гербе серебро и топаз,
Сияют ключи среди ночи...
Твой смех серебристее в тысячу раз,
Лучистее юные очи».

Я — паж, и за шлейфом хожу день-деньской,
Служу королеве по чести.
Ловлю на лету поцелуй неземной,
Когда мы охотимся вместе.

А если, возможно, хотите узнать,
Что было потом на свиданьях,
То я ничего не смогу вам сказать,
Затем что молчу при лобзаньях.

Die Boten

Die Herzogin von Sagan,
– Schön war sie wie der Tag, –
Die Herzogin von Sagan
In böser Fehde lag.

Die Herzogin von Sagan
Einen Krämer sandte aus,
Zu holen Parm von Oheimb, –
Der Bote kam still nach Haus,

Der Bote zog schief die Schultern
Und schief sein Schelmenmaul:
„Parm von Oheimb ist zum Kriegen
Ja viel zu dumm und faul!

Ich bot ihm weißes Silber,
Ich bot ihm gelbes Gold,
Ich bot ihm Diamanten,
Er hat sie nicht gewollt.

Frau Herzogin, da sagt ich:
Junker, ich mach euch r e i c h! –
Er gab mir still zu Antwort
Einen groben Backenstreich!“ –

Гонцы

Герцогиня фон Саган
И прекрасна, и мила.
Герцогиня фон Саган
Как могла войну вела,

Повелел без лишних слов
Торгаша отправить в путь,
Чтоб нашел ее любовь
И задобрил чем-нибудь.

Был посланник из плутов
И принес худую весть:
«Рыцарь, — говорит, — готов
Без причины в драку лезть.

Прихватил я для него
Золото и серебро,
Но не взял он ничего,
Не польстился на добро.

Я богатство посулил,
Перед ним мошной звеня,
Но в ответ он угостил
Оплеухою меня».

Die Herzogin von Sagan
Lächelte matt und leer
Und hieß den Krämer gehen
Und atmete tief und schwer.

Der Schloßkaplan, der greise,
Als zweiter zog er aus,
Er ging hochmütigen Schrittes
Und kam demütig nach Haus.

Es hob der Mönch vom Boden
Eine Handvoll welkes Laub,
Und von den Sandelriemen
Wischt langsam er den Staub:

„Ich hab dem Ritter geboten
Aller Truppen Oberbefehl,
Meine Worte waren ihm Plunder,
Meine Bitten gingen fehl!

Die Zeit ward fromm und feige
Und war doch fromm und frei, –
Wir zwingen kaum die Neige
Im Lebensbecherturnei!“

Und als er kaum gesprochen,
Da tritt der Narr herein:
„Die Söldner wollen nicht fürder
Einem Weibe zu Diensten sein!

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru